

Традиции этнической психологии

Было время, когда европейскому миру открылся невероятный спектр этнических общностей, обширный арсенал традиций, обычаев, ритуалов и мифов, хранимых многочисленными народами. Обозначился горизонт необычных типов поведения, ментальных навыков, бытовых подробностей. В этом многообразии исследовательская мысль стремилась обнаружить единую логику человеческого существования, общее и особенное. Возникла надежда, что, может быть,

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор социологии Калифорнийского университета, доктор философских наук, доктор филологических наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч.: «Грани человеческого бытия» (в соавт.), «Размежевания и тенденции современной философской антропологии» (в соавт.), «Философия культуры» (в соавт.), «Философское толкование человека», «Расколотовость человеческого бытия», «Культурология в системе современного гуманитарного знания» и др. Президент Московской ассоциации психоаналитиков. Награжден медалью «За вклад в развитие философии».

П. С. Гуревич¹

МНИМЫЕ ЭТНИЧНОСТИ

в этом кружеве жизненных эталонов обнаружится нечто, раскрывающее тайну человеческой природы. Как объяснить различия в социальной деятельности многих общностей? Нельзя ли положить в основу распознавания культурных процессов философское постижение человека?

Разные аспекты межэтнических отношений породили различные блоки знаний. Они и назывались по-разному: «психология народов», «психологическая антропология», «сравнительно-культурная антропология», «кросс-культурная антропология». К примеру, тот блок знаний, который в нашей стране называется культурологией, в США именуется «социальной» или «культурной» антропологией, этнологией или даже психоисторией. Прикасясь к иному этническому материалу, исследователи понимают, что при изучении чужой ментальности они должны сохранить должную дистанцию. С одной стороны, опасность состоит в том,

чтобы не раствориться в незнакомой самоидентичности, с другой — столь же неприемлема оценка другой ментальности по лекалам европейской культуры.

Известно, что классическая философия и психология были направлены на поиск тождества окружающих нас явлений. За множеством свойств и особенностей исследователи всегда искали общее основание, позволяющее выявить единство этих процессов. Постмодернисты же, борясь с центризмом, ввели понятие «следа» и «различия».

Постоянное подчеркивание отличий не может быть абсолютной мировоззренческой установкой и правомочно только в определенном философском контексте. Следовательно, сложившееся в этнопсихологии стремление во что бы то ни стало указать на уникальность традиций, языка, менталитета не может рассматриваться как окончательная цель изыскания.

Культуры отличаются друг от друга и по тайне своего происхождения, и по традициям, и по внутренним особенностям. Но этнопсихология не может представлять собой некую мозаику несовместимых друг с другом этнических идентификаций по принципу «сколько этносов, столько и картин мира». Последовательное различение предполагает и отыскание общих черт, сведение их в некую целостность. Этнос стремится сохранить устойчивое внутреннее ядро, и этот процесс предполагает как отталкивание от чужого образца, так и сближение с ним.

Оценивая первые шаги этнической психологии, Густав Шпет писал: «Культурное явление как выражение смысла объективно, но в нем же, в этом выражении, есть сознательное или бессознательное отношение к этому “смыслу”, оно именно — объект психологии»¹.

Этническая психология располагает необъятным материалом, но, по словам Шпета, отличается большей неясностью и в определении своих задач, и в установлении собственного предмета. Наблюдения этой науки столь же древние, что и наблюдения родственной ей этнологии, и тексты Геродота, Ксенофонта, Цезаря, Тацита, Страбона, Плиния должны быть названы, по видимому, среди первых источников этнической психологии. Уже Гиппократ пробует связать особенности народных характеров с различиями климата и географических условий.

Антропология конца XVIII — начала XIX века тесно связывала себя с философией. Огромное значение имела идея «духа» и «народного духа», с одной стороны, введенная философией истории Вегелина и Гердера, с другой — превращенная романтиками в ходовое понятие, позже популяризированное «исторической школой» и углубленное Гегелем. Эта идея получила своеобразное толкование в школе новой психологии Гербарта, последователи которого заложили фундамент современной этнической психологии.

Этнические миражи

Современный мир столкнулся с новой тенденцией: настойчиво заявляют о себе так называемые этнические мнимости, получившие основательную разработку

в книге С. Жижека «Щекотливый субъект»². Он показал, что глобализм относится ко всякой локальной культуре так же, как колонизаторы — к коренным жителям колоний, нравы которых следует внимательно изучать и «уважать». Внимание к другим этничностям в ходе глобализации легко принимает характер колониализма.

«Мультикультурализм, — отмечает Жижек, — это дезавуированная, превращенная, самореференциальная форма расизма, “расизм с определенного расстояния” — он “уважает” идентичность Другого, рассматривая Другого как замкнутое подлинное сообщество, по отношению к которому он, мультикультуралист, поддерживает дистанцию, отражающую его привилегированную всеобщую позицию»³.

Именно здесь и рождается механизм этнической мнимости. Парадокс заключается в том, что этносы продолжают существовать как таковые, они даже сохраняют собственную идентичность. Однако в глобализирующем потоке сохранность идентичности радикально нарушается. Если европоцентризм унижает этническую идентичность, то это вызывает протест и мобилизацию самоидентичности. Но нейтралитет мультикультуралиста фальшив, поскольку в его позиции молчаливо отдается приоритет европоцентристскому содержанию.

Мультикультуралист доброжелательно относится к другому этносу. Однако этот Другой уже утратил черты подлинности. Он стерилен. Глобалисты поддерживают внешние формы культурной идентичности. Они не жалеют средств для того, чтобы показать мнимую выхолощенность чужой культуры. Повсеместно ведутся политкорректные битвы за права этнических меньшинств, за различный образ жизни. Но при этом капитализм продолжает свое триумфальное шествие, выветривая, обескровливая фактическое содержание этнической идентичности.

Борьба за политизацию множества этнических, сексуальных и других идентичностей разрушает все каноны. Возникает масса гибридных состояний, открываются возможности для произвола, даже факты обыденной жизни приобретают иллюзорность. Глядя на телевизионный экран сегодня, мы думаем не столько о том, верно ли трактуются факты и события, сколько о том, произошли ли они на самом деле или являются произвольным вымыслом. Выветриваются идеи, теряя смысл. Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Телевидение продолжало бы творить образы, даже если бы человечество исчезло. Все сексуально, политично, эстетично. Но где же подлинность? Поток изображений, поставляемых средствами массовой коммуникации, никогда не иссякает: «картинки» сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. При этом мы все основательнее катапультируемся в виртуальную реальность. Была ли война в Персидском заливе? Были ли ядерные испытания в Иране? Использовалось ли химическое оружие в Сирии? Из средств массовой коммуникации вы получите самые причудливые ответы на эти вопросы.

² Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Шукиной. М.: Дело, 2014.

³ Там же.

¹ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 475–574.

Ж. Бодрийяр приводит пример того, как конструируется призрачная реальность, выдаваемая за протокольность жизни. В 1971 году мир узнал о том, что в филиппинских джунглях обнаружено племя тасадаи, которое на протяжении тысяч лет не вступало в контакт с другими людьми и живет фактически в каменном веке. Спустя некоторое время выяснилось, что мир имел дело с мистификацией: первобытное племя было «сыграно» крестьянами из деревни, расположенной неподалеку. Анализируя эту историю, французский философ показывает, что в современной идеологической практике невозможно отыскать абсолютный уровень реального. Иллюзия больше невозможна, потому что больше невозможна реальность: все происходящее стало «набором знаков, предназначенных исключительно для своего повторения как знаков, а не для “реальных” целей»¹.

Было бы наивно рассматривать пример с филиппинским племенем только как этнический курьез. Па-

радокс проблемы в том, что ни один эксперт не предвидел некоторых последствий глобализации. Предполагалось, что в ходе развертывания информационного общества индивидуальные черты локальных культур будут утрачиваться. Не исключалось также, что этносы противопоставят глобализирующей тенденции стремление удержать, сохранить традиционный уклад. Однако выявилась еще одна тенденция. Многие народы не стали заботиться о своей этнической сохранности, но не отправились и в «плавильный котел». Вместо этого родился феномен мнимых этничностей. В рамках конструктивизма стали возникать и заявлять о себе всевозможные миражные образования. Началось сотворение мнимых этничностей с привлечением тенденциозно трактуемых исторических фактов, а в еще большей степени иллюзорных идеологических конструкций. Эта тенденция приобретает сейчас особую актуальность и требует критического рассмотрения.

---

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015.